

*Посвящается моей матери Линде
и моей дочери Касадоре
и Хорхе*

...Я рад, что никогда не буду юным без
уголка дикой природы, чтобы провести там
юность. Что толку в сорока свободах, если на
карте нет белых пятен?

Альдо Леопольд

Возьми меня отсюда, возьми меня отсюда,
Здесь ненавижу все, возьми меня отсюда.

Алекс Чилтон

Часть I

БАЛЛАДА О БЕАТРИС

Ребенок, появившийся из Беа, был цвета синяка. Беа прижгла пуповину примерно посередине между ними, размотала ее с тонкой шейки девочки и, хотя знала, что без толку, взяла дочь на руки, постучала по дряблой грудке, сделала несколько неглубоких вдохов в скользкий от слизи ротик.

Вокруг нее ширилась единственная известная сверчкам песня. Кожу Беа припекало. Пот засыхал на спине и лице. Солнце вскарабкалось до высшей точки и теперь быстрее, чем следовало бы, должно было снова снизиться. Стоя на коленях, со своего места Беа видела их Долину со всеми ее потаенными травами и полынью. Вдалеке высились одиночные скалы, ближе — земляные сопки, похожие на каирны, обозначающие путь куда-то. Кальдера резко белела на горизонте.

Беа копала твердую землю сначала палкой, потом камнем, потом вычерпывала и приминала руками. Подхватила и переложила в ямку плаценту. Потом девочку. Ямка была мелкой, живот ребенка выступал над ней. На влажное после родов тельце налипли крупный песок и мелкие золотистые почки, сбитые с ломких от жары стеблей. Беа присыпала пылью лоб ребенка, вытащила из своей оленьей сумки несколько увядших зеленых листьев, разложила по девочке. Сломала несколько грубых стеблей разросшейся вокруг полыни, положила поверх выпираю-

шего живота, до нелепости узких плеч. Ребенок стал бесформенным холмиком растительной зелени, ржаво-красной крови, тускло-фиолетовой карты жилок под влажной салфеткой кожи.

Зверье, почуявшее его, уже подбиралось. Кружащие в небе грифы теряли высоту, словно проверяя, как идет дело, и снова поднимались в термальных потоках. Слышалась осторожная поступь койотов. Они пробрались сквозь заросли цветущей полыни — мать и трое тощих щенков возникли в рваной тени. Беа слышала, как они вяло зевают, срываясь на скулеж. Подождут.

Налетел ветер, она вдохнула пыльного зноя. И затосковала по застойным запахам больничной палаты, где она рожала Агнес. Должно быть, теперь уже восемь лет тому назад. По тому, как кусачая рубашка натягивалась на груди, и сбивалась, и путалась в ногах, стоило попытаться лечь на бок. Как обдувало прохладным воздухом ее бедра и между ног, куда врачи и медсестры и глазели, и тыкали чем-то, и вытаскивали Агнес из нее. Это ощущение она терпеть не могла. Такое оголенное, обиденное, животное. Но здесь были только сплошная пыль и горячий воздух. Здесь ей пришлось направлять тощее тельце — после пятимесячной беременности? Шести? Семи? — одной рукой, а другой загораживать его от пикирующей сороки. Через это ей хотелось пройти одной. Но чего бы она только не отдала за прощупывающую руку в перчатке, за затхлый воздух из системы рециркуляции, гудящие приборы, свежие простыни под ней вместо пустынной пыли. За хоть какой-то стерильный комфорт.

Чего бы она только не отдала за свою мать.

Беа зашипела на койотов.

— Брысь! — прикрикнула она, швыряя в них только что вырытой землей и галькой. Но те лишь прижали уши, мать присела на задних лапах, и щенки сунулись поку-

сывать ей морду, раздражая ее. Наверное, улизнула потихоньку из стаи, чтобы добыть своему выводку лишний кусок или поучить щенков искать падаль, потренировать в выживании. Как и полагается матери.

Беа согнала муху с глаз ребенка, которые поначалу казались изумленными неудачей, а теперь — укоризненными. Истина заключалась в том, что этого ребенка Беа не хотела. Только не здесь. Было бы неправильно привести ее в этот мир. Вот как ей постоянно казалось. А если эта девочка уловила страх Беа и умерла потому, что была нежеланной?

Беа поперхнулась.

— Это к лучшему, — сказала она девочке. Ее глаза заволокли облака, которые клубились над головой.

Во время одного ночного перехода, еще когда у нее был фонарик и она таскала с собой батарейки, чтобы он работал, в луч света попали два блестящих глаза. Она хлопнула в ладоши, чтобы спугнуть глаза, но они лишь нырнули вниз. Зверь был высоким, но припадал к земле, может, сидел, и Беа испугалась, что он ее выслеживал. У нее заколотилось сердце, она ожидала приступа ледяного ужаса, какой до этого испытывала пару раз. Опасности для ее внутреннего ощущения бытия. Но так и не дождалась. Она подошла ближе. Глаза опять сделали нырок — просительно, как у подчиняющейся собаки, но это была не собака. Пришлось подойти еще ближе, прежде чем она поняла, что это олень с покатою спиной, острыми ушами, смиренно подрагивающим хвостом. Потом Беа увидела в луче фонаря еще один глаз, маленький, — он не смотрел на нее, а нерешительно моргал. Олениха тяжело встала на ноги, и моргающий глаз тоже поднялся, пошатываясь. Это был влажно поблескивающий олененок на трясущихся ножках-зубочистках. Беа стала невольной свидетельницей рождения. Тихого, в потемках. Беа под-

кралась к оленихе-матери как хищник. И в тот момент матери не оставалось ничего другого, кроме как склонить голову, словно умоляя о пощаде.

Беа мало о чем позволяла себе сожалеть в те дни, непредсказуемые дни, полные настолько неприкрытого, животного выживания. Но хотела бы пойти в ту ночь другим путем, чтобы не увидеть те глаза при свете своего фонарика, чтобы олениха могла родить, обнюхать и вылизать дочиста своего детеныша, получила шанс подарить малышу первую, ничем не запятнанную ночь, прежде чем начнется труд выживания. Вместо этого изнемогающая от усталости олениха заковыляла прочь, а растерянный, спотыкающийся олененок — следом за ней, и таким стало начало их жизни вдвоем. Вот почему несколько дней назад, когда Беа заметила, что больше не чувствует пинков, икоты и трепыхания, и догадалась, что ребенок умер, она поняла, что хочет в этих родах остаться одна. Им предстояло стать единственным моментом, который они проведут вдвоем. Она не желала ни с кем делиться. Не хотела, чтобы кто-нибудь видел ее собственную усложненную версию горя.

Беа испытующе взгляделась в койотиху.

— Ты-то понимаешь, да?

Койотиха нетерпеливо переступила с лапы на лапу и облизнула желтые зубы.

Издали, со стороны невысокого хребта, до которого оставались еще предгорья и предгорья ходьбы, до нее долетел безрадостный вой; какой-то бдительный волк увидел стервятников и подавал знак близкой поживы.

Ей пора было уходить. Солнце садилось. А теперь еще узнали и волки. Она следила, как ее тень становится длиннее и тоньше — от этого зрелища на нее всегда нападала тоска, как будто она видела собственную голодную смерть. Она поднялась, распрямила рябые от песка колени, смахнула пустыню с кожи и рваной туники. Глупо

было пытаться вернуть к жизни то, чему, как она знала, суждено умереть. Ей казалось, что Дебри уже вытравили из нее всю сентиментальность. Об этом моменте она не расскажет никому. И Глену, которому, как она думала, хотелось собственного ребенка больше, чем он отваживался признать. Не расскажет и Агнес, хотя, как ей казалось, Агнес захотела бы узнать о младшей сестре, которая так и не возникла во плоти, захотела бы понять тайные частности своей матери. Нет, она будет придерживаться краткой версии. Младенец не выжил. Как и многие другие. Так что наша жизнь продолжается.

Она повернулась, не бросив больше ни единого взгляда на девочку, которую хотела назвать Маделин. Дала койотихе резкого пинка, целясь в выпирающие ребра. Псиная взвизгнула, шарахнулась, потом зарычала, но у нее имелись дела более насущные, чем оскорбление, нанесенное человеком.

Беа слышала за спиной шорох земли и тявканье. И хотя нарастающее возбуждение шавок напоминало плач новорожденного, знала, что это всего лишь звуки голода.

* * *

Безошибочно угадывающаяся тень тропы вела к лагерью. Трудно было понять, как она появилась — под воздействием самой Общины, живности, прокладывающей свои звериные тропы, или остатков всего, что населяло эти земли до того, как они стали штатом Дебри. А может, ее наметила одна только Беа. Сюда она приходила так часто, как могла, всякий раз, когда они кочевали через Долину. По этой причине и выбрала его для Маделин. Было что-то неуловимое в этом пейзаже. В Долине, которая казалась такой укромной. Ее впадина с зелеными травами и колючим кустарником лежала чуть ниже окрестных зе-